

Александр Аркадьевич ШУКЛИН¹

УДК 821.112.2 + 821.161.1

ОБРАЗ СИБИРИ В ПРОЗЕ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ 1990-2000-х ГГ.

¹ координатор международных научных программ
Центра российско-немецкого сотрудничества Георга Вильгельма Стеллера,
Тюменский государственный университет
Alexander.Schuklin@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена исследованию способов трансформации образа Сибири в прозе российских немцев 1990-2000-х гг. В рамках исследования автор показывает, как изменился образ Сибири в литературе российских немцев с течением времени. Благодаря культурной памяти своего этноса современные писатели переняли литературный опыт своих предшественников. При этом, начиная с 1990-х гг., негативный образ Сибири постепенно сменяет более позитивная окраска. Несмотря на жесткую цензуру, авторы 1960-1980-е гг. смогли привнести в свои произведения истинное отношение к Сибири как месту ссылки, но зачастую делали это неявно, имплицитно. Результат исследования показал, что во многих прозаических произведениях российских немцев 1990-2000-х гг. образ Сибири отражает культурное этническое своеобразие литературы российских немцев. На примере произведений современных репрезентативных писателей — Якоба Шмаля, Александра Райзера, Марии Шнайдер-Кулаевой, проживших значительную часть своей жизни в Сибири, раскрываются способы трансформации образа Сибири как двойственной категории, включающей как понятие «чужбины», так и понятие «родного дома».

Ключевые слова

Российские немцы, депортация, образ Сибири, чужбина, мотив родного дома, Евангелие.

DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-2-138-147

Цитирование: Шуклин А. А. Образ Сибири в прозе российских немцев 1990-2000-х гг. / А. А. Шуклин // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2016. Том 2. № 2. С. 138-147.
DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-2-138-147

Литература российских немцев на данный момент является актуальным объектом изучения в отечественном литературоведении. Доказательством тому может служить изданная в 2012 г. в Москве антология литературы российских немцев второй половины XX — начала XXI в. «Навстречу недоверчивому солнцу» (под общ. ред. Е. И. Зейферт. Ред. коллегия: О. К. Мартенс, С. В. Ананьева, Г. И. Данилина и др. М.: МСНК-пресс, 2012. 640 с.). Говорит об актуальности и прошедший в октябре 2014 г. в Гиссенском университете (г. Гиссен, Германия) научный коллоквиум, посвященный литературе российских немцев. Несомненно, что интерес исследователей к данной литературе будет только расти. Однако художественное мышление писателей — российских немцев, своеобразие поэтики их произведений пока изучаются очень мало [6, 7, 8, 13].

В начале XX в. литература российских немцев, как и других национальностей Советского Союза, была под влиянием социализма. Ее основными темами стал советский человек, партия, революция, труд на благо страны Советов и т. д. С начала Великой Отечественной войны и вплоть до конца 1950-х гг. в литературе российских немцев наступил период безмолвия [1, 3] обусловленный тем, что авторы, как и все российские немцы, были депортированы в Сибирь и Казахстан. Творить в таких условиях было невозможно. И лишь с 1960-х гг. по инициативе советской власти началось возрождение литературы российских немцев, равно как и других советских национальностей. Существуют разные способы периодизации данной литературы [3], но с позиций сегодняшнего дня можно с уверенностью говорить о двух крупных периодах в XX в. — это 1960-1980-е гг. и 1990-2000-е гг. Дробить эти периоды на более мелкие, на наш взгляд, не имеет смысла. Доказательством тому служат особые художественные приемы, характерные для данной литературы этих периодов. Одним из них является особое воплощение образа Сибири. Он и стал предметом нашего исследования.

В 1960-1980-е гг. существовало две большие агломерации российских немцев в СССР — это Сибирь и Казахстан, в литературном творчестве каждой из которых, несмотря на общность прошлого, сформировались особые черты. Образ Сибири в литературе российских немцев полноценно раскрывается, на наш взгляд, именно в творчестве писателей-сибиряков. Целью данной статьи является исследование способов трансформации образа Сибири в произведениях репрезентативных писателей — российских немцев 1990-2000-х гг.

В период 1960-1980-х гг. о Сибири писали такие авторы, как Николаус Райхерт, Фридрих Больгер, Герберт Генке, Хайнрих Кампф, Александр Бекк, Вольдемар Гердт, Лео Майер, Вольдемар Шпаар, Эвальд Каценштайн [2, 14]. Объектом нашего исследования стали повести «Чаша, испитая до дна» Якоба Шмаля, «Старое Евангелие от Иоанна» Александра Райзера, «Разоренное гнездо» Марии Шнайдер-Кулаевой.

Как мы уже отмечали ранее в наших работах [11], в литературе российских немцев указанного периода преобладает образ Сибири, который вполне встраивается в контекст советской литературы того времени. В силу гнета цензуры и

непростых условий творчества истинный образ Сибири был вытеснен в текстах российских немцев на периферию, но авторы, вынужденные принять такие условия творчества, возродили и сохранили свою литературу, привнеся в произведения истинное отношение к депортации в Сибирь. Обнаружить его мы можем, обратившись к контексту, т. к. авторы говорят со своим родным читателем между строк. Это происходит благодаря их культурной памяти — культурной памяти всего народа, к которой они обращаются, восстанавливая разрушенную литературу в новых условиях. Мы видим в их текстах реминисценции и аллюзии на великих немецких классиков, приверженность родному языку. Именно через культурные категории в их творчестве проявляется особый образ Сибири.

В данной статье мы подробнее остановимся на периоде 1990-2000-х гг. Он не менее трагичен в истории российских немцев, т. к. это период массового исхода из России, кардинальной переоценки ценностей и принятия очень ответственных решений. Перестала существовать цензура, литература вышла из-под контроля власти. Многие авторы эмигрировали в Германию и продолжили писать в новых, свободных условиях. Образ Сибири продолжает иметь для них большое значение, он усложняется и становится многогранным. Обратимся к творчеству наиболее репрезентативных, на наш взгляд.

Одним из первых знаковых произведений, где появляется образ Сибири, является повесть журналиста и писателя Якоба Шмала «Чаша, испитая до дна» (Москва, 1995), который родился в 1923 г. в с. Гримм Бальцерского кантона в Поволжье. Писал на немецком и русском языках.

В тексте книги ключевой темой является депортация. Как пишет автор, это была депортация в «далекую неприветливую Сибирь» (“ins weite unfreundliche Sibirien”) (здесь и далее текст повести цит. по [9]). Лирический герой книги автобиографичен: Шмаль пишет о жизни в пяти трудовых сибирских лагерях. Текст сопровождают неотъемлемые атрибуты таких лагерей — тяжелая физическая работа, скудное питание, тяжелые условия жизни, жестокие надзиратели, вши. Обо всем говорится прямо и открыто, не скрывая от читателя ничего.

Образ Сибири здесь создается на контрасте с покинутой родиной. Описание лагерной жизни в тексте перемежаются с положительными воспоминаниями о Поволжье. Лирический герой говорит о нем не отвлеченными фразами (в отличие от своих предшественников), а прямо — «родная Волга» (“unsere traute Wolga”), «кусочек поволжской степи, где стояли наши колыбели» (“das Stücken Wolga-Steppe, wo unsere Wiege stand”). Невозможность вернуться к родному очагу создает напряженную внутреннюю жизнь автобиографического героя.

Разрешение внутреннего конфликта происходит с осознанием героя, что все преходяще, и человек должен радоваться каждому прожитому дню, каким бы он ни был (в книге мы читаем — “Ich hatte nichts als mein Leben”).

Именно поэтому, несмотря на невыносимые условия лагерной жизни, он радуется «созерцанию» белых северных ночей (“und so vertieften wir uns in die

Betrachtung dieser Naturerscheinung”), «благоговейной тишине» (“Im Wald herrschte eine andächtige Stille”).

Как мы видим, образ Сибири имеет не только отрицательную, но и положительную характеристику в повести. Но это не все: стремясь поддержать окружающих, герой читает солагерникам баллады Шиллера (“Das vermochte das Dichterwort in unserer Muttersprache!”), почти каждый эпизод повести сопровождается цитатами из классической немецкой поэзии. В момент освобождения от гнета лагерной жизни лирический герой повести обращается к Генриху Гейне, провозглашая: “Als wäre auf Erden schon das Himmelreich errichtet”. Любовь к родному немецкому языку и литературе привносятся в текст произведения, но, в отличие от предшественников автора, это происходит не имплицитно, не на уровне подтекста, а открыто.

В повести мы видим два противоположных образа Сибири — предельно негативный (связан с лагерной жизнью) и положительный, поэтический. На наш взгляд, автор при помощи немецкого языка и немецкой классики примиряет две эти противоположности. Герой повести принимает свою жизнь такой, какая она есть, и старается улучшить ее, привнося в свою жизнь немецкую классику.

Другим ярким примером может служить повесть прозаика Александра Райзера «Старое Евангелие от Иоанна» (Москва, 1997), родившегося в 1962 г. в Омской области. Отметим, что до эмиграции в Германию автор, в силу бюрократических причин советского времени, носил фамилию Резер, а после переезда восстановил историческую справедливость и изменил ее на Райзер, что более близко немецкому оригиналу “Reiser”.

Действие повести, как и у Якоба Шмаля, происходит в Сибири, куда был депортирован герой вместе со своей семьей, к которой он, совершив побег из лагеря, пробирается через заснеженный лес. В начале повести мы встречаем очень негативную характеристику Сибири. В отличие от своего предшественника, Александр Райзер усложняет лексическое наполнение негативного образа Сибири (здесь и далее текст повести цит. по [5]).

«От воя ветра сердце брала какая-то неземная тоска, как от коснувшейся их своим крылом вечности» (с. 74);

«... над этим укрытым белым саваном снега лесом» (с. 34);

«... в этом мрачном, бесконечном лесу» (с. 34);

«... он шел ... по разбитой улице этого затерянного в бескрайности и безвременье тайги поселка, <...> этого места затерянного, забытого миром, проклятого богом и людьми» (с. 77);

«А свирепствующая в мире вьюга становилась сейчас все жестче, с садизмом лагерного убийцы расправлялась с восставшей было против нее природой...» (с. 89);

«... в этой враждебной, холодной пустыне...» (с. 92);

«... в этой ... уже не существующей, зачеркнутой провинции» (с. 104);

«И над ним, над этим полем, висела все та же вселенская, кладбищенская тишина, умертвившая собой все» (143).

Мы можем видеть, что лексика очень груба и может быть истолкована вполне однозначно, без подтекста. Многие упоминаемые здесь факты имеют прямое отношение к жизни российских немцев после депортации в Сибирь [12]: жизнь в землянке, трудовой лагерь, работа на лесоповале в тайге, которую автор приравнивает к смерти. Негативный образ Сибири носит очень реалистичную окраску, например «кладбищенская тишина», «страшная, холодная и лютая зима», «враждебная, холодная пустыня», «с садизмом лагерного убийцы», «место затерянное, забытое миром, проклятое богом и людьми».

Но во второй части повести мы видим диаметрально противоположную характеристику Сибири. В этой части герой добирается до места, где живет его жена с детьми. Тональность повествования меняется. Меняется и используемая лексика:

«Она [Мария] была теперь где-то совсем рядом, на затерянном в этих библейских лесах хуторке...» (с. 67);

«Оно [солнце] было повсюду сейчас: и в снеге, переливающимся миллиардами искринок, и в воздухе, и в бездонной сини неба, и в суетливом стрекотании сороки, и даже в этой одинокой березе, живое тепло коры которой он теперь чувствовал своим затылком» (с. 66);

«И было утро! Чистое и свежее, как белый, все выровнявший до горизонта снег» (с. 124);

«... радостные цвета первого весеннего утра, морозного воздуха, девственной свежести ночного снега...» (с. 125);

«Глубоко вдохнув упоительной свежести морозного воздуха...» (с. 127);

«Этот чистый, кристальный перезвон осколков ломающихся, осыпающихся снежинок...» (с. 128);

«Он медленно поднял глаза к чистому-чистому синему небу над собой и почувствовал, как целый океан прозрачной свободы открылся ему...» (с. 135);

«Он просто физически чувствовал сейчас эту свободу в необъятности неба над собой, в бескрайности его голубых небесных далей...» (с. 136).

Как мы можем видеть, дальнейшее повествование освобождено автором от отрицательной оценки. Поэтично описывается окружающая героя действительность. Наиболее показательны здесь такие лексические обороты, как «библейские леса», «бездонная синь неба», «чистое и свежее утро», «стало тихо в мире», «вечный покой». Мы считаем, что причиной такой трансформации является образ дома, который вводится автором в текст. Именно с этого момента начинает меняться лексическое наполнение повести:

«... и он уплыл как-то уж слишком беспечно, даже незаметно для себя в этот сон в неге какого-то позабытого уже совсем чувства своей защищенности, домашнего покоя и отдыха...» (с. 93);

«... он действительно вернулся туда, куда единственно ему хотелось вернуться, где он хотел быть. Где было все, составляющее его когда-то, его прошлое, которое оказалось лучшим и самым важным...» (с. 94);

«Теперь же он возвращался, возвращался обратно в свой, ему близкий, родной, привычный мир... как после долгого скитания по неприветливой чужбине в свой отчий дом...» (95);

Парадоксально то, что место, куда герой мечтает вернуться — это не дом в Поволжье, а старый, ветхий сарай в таежной глуши, где живет его семья. Его он называет «отчим домом», о нем он говорит «близкий, родной, привычный мир», «надежное и неприступное убежище». Как мы можем видеть, именно с появлением в тексте образа родного дома меняется отношение героя к окружающей его реальности. Все негативное остается в прошлом, а чувства наполняются положительными эмоциями. Герой принял Сибирь как свой дом.

Немаловажную роль в повести играет семейное Евангелие, которое жена кладет в его гроб в день похорон. По строкам этой книги «мама учила его читать» и, как пишет автор, эти единственное, что осталось с ним «из доверенного прошлого». Появление Евангелия во многих других произведениях 1990–2000-х гг. говорит о важности этой священной книги для культуры российских немцев.

Как мы можем убедиться, в повести Александра Райзера, как и у Якоба Шмаля, присутствует двойственный образ Сибири. Райзер разрешает конфликт своего литературного героя, примиряя их между собой. Связующей нитью является образ родного дома и семейного Евангелия. Образ Сибири, как мы видим, усложняется, и выходит с периферии текста на первый, главный план.

Подобные мотивы мы сможем встретить и в других произведениях литературы российских немцев [4]. Ярким примером может служить мемуарная повесть Марии Шнайдер-Кулаевой «Разоренное гнездо» (Тюмень, 2008). Автор пишет о жизни своей семьи с момента депортации до переезда в Германию. Как и у Александра Райзера, в тексте повести Марии Шнайдер-Кулаевой присутствуют многие характерные для литературы российских немцев 1990–2000-х гг. атрибуты — упоминание депортации, трудармии, комендатуры и др. [12]. В тексте мы видим, в каком образе предстает Сибирь перед читателем (здесь и далее текст повести цит. по [10]):

«Поезд остановился на одном из забытых Богом разъезде» (с. 53);

«Вот в такой норе должны будут прожить вместе несколько лет от десяти до двенадцати человек» (с. 65);

«... строения были убогие. Вросшие в землю избы с парой маленьких окон...» (с. 66);

«... младшие из детей ... вынуждены были среди зимы идти просить милостыню» (с. 69);

«За эти шесть лет каторжного труда отец, конечно же, сильно изменился. В избу вошел почти старик. Лицо было обветренным и темным» (с. 93);

«Узнать, что происходило за рубежом или в своей стране, было невозможно. Тем более в забытой Богом деревне, как Сергиевка» (с. 101);

«Свою вечную обитель мои родители (Генрих и Эмма) навсегда нашли в этой холодной сибирской земле» (с. 123).

Мы видим, что образ Сибири, куда депортировали семью автора, имеет негативную характеристику. Это «забытое богом» место, где семье пришлось жить в «норе» (так автор называет землянку), т. к. в округе все строения были убогими. Сибирь связана для автора с такими испытаниями, как прошение милостыни, вынужденная кража, чтобы не умереть с голоду. Пишет автор и о шести годах каторжного труда своего отца в трудовом лагере. За это время он стал стариком. Говоря о родителях, автор отмечает, что они нашли «свою вечную обитель» в «этой холодной сибирской земле». Этой характеристикой изобилует первая половина повести.

Но далее Мария Шнайдер-Кулаева, как и Александр Райзер, вводит в текст повести образ родного дома. В тексте мы видим подробное описание его строительства. Героиня испытывает радость от свершившегося — у нее появился свой дом. После строительства дома у героев повести появляется связь с Сибирью, она становится их родиной, местом, где они будут жить и создавать семью.

Образ Сибири для Марии Шнайдер-Кулаевой неразрывно связан с образом ее родного дома. Это очень явно проявляется в тексте, когда героиня покидает дом и переезжает в Германию:

«Но самым трудным в последний день оказалось закрыть за собой дверь дома и постоять последние минуты во дворе, бросив последний взгляд в каждый уголок. <...> Слезы застилали глаза <...>. Я шла, оглядываясь на оставленный мною дом. Чувство вины владело всем моим существом от того, что я ухожу, а он остается» (с. 125).

Мы можем видеть, что расставание с родиной является для автора очень болезненным. Она даже чувствует свою вину перед домом. Нечто подобное можно увидеть далее в повести, когда героиня возвращается навестить свой дом через несколько лет:

«А когда я вошла в свой оставленный двор... Меня поймет только тот, кто сам пережил нечто подобное. Когда-то ухоженная усадьба заросла двухметровым бурьяном. Когда бывшие соседи принесли косу, я с огромным удовольствием уничтожила крапиву и коноплю. Мне хотелось, чтобы мой внук увидел двор немного ухоженным. А с каким удовольствием я вымыла в своем доме полы... В бане собственноручно отремонтировала печь» (с. 156).

Как мы видим, это очень эмоциональное описание. Героиня скашивает высокую траву во дворе, ремонтирует печь и с «большим удовольствием» моет полы в доме. И когда ей вновь придется уезжать, она говорит: «А придется ли еще когда-нибудь ступить на родную землю — кто знает?». Сибирь воспринимается героиней как родной дом.

Как и Александр Райзер, Мария Шнайдер-Кулаева разрешает конфликт своей: так, через мотив родного дома, родного очага изменяется ее отношение к окружающему. Но в повести есть и принципиально отличная черта. Помимо родины — Поволжья и Сибири (места ссылки) — возникает новая грань — Германия как родина предков. Этого нет у ее предшественников, поэтому здесь образ Сибири усложняется. Если в повестях Райзера и Шмаля мы видим контраст между Сибирью и Поволжьем, то в повести Марии Шнайдер-Кулаевой сюда

включается третий пункт — Германия. Но даже при этом автор воспринимает Сибирь как родину.

Таким образом, образ Сибири в творчестве писателей 1990-2000-х гг. раскрывается многограннее по сравнению с периодом 1960-1980-х гг. Не имея возможности художественно освоить опыт изображения образа Сибири своими предшественниками, современные писатели при помощи категорий культурной памяти — немецкой литературной классики, немецкого языка, Евангелия как семейной книги, образа родного очага — смогли воплотить в своих произведениях истинный для своего этноса образ Сибири.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бельгер Г. Немцев российской литература / Г. Бельгер; отв. ред. Н. С. Надъярных // Литература народов России: XX в.: словарь. Москва: Наука, 2005. С. 203-211.
2. Встречи в августе. Поэтическая антология. Алтайские немецкие поэты в переводах авторов ЛФ «Август». Барнаул: ЛФ «Август», 2011. № 47. 272 с.
3. Зейферт Е. Жанр и этническая картина мира в поэзии российских немцев второй половины XX — начала XXI в. / Е. Зейферт. Lage: BMV Verlag Robert Burau, 2009. 534 с.
4. Навстречу недоверчивому солнцу. Антология литературы российских немцев второй половины XX — начала XXI в. / под общ. ред. Е. И. Зейферт; ред. коллегия: О. К. Мартенс, С. В. Ананьева, Г. И. Данилина. М.: МСНК-пресс, 2012. 640 с.
5. Резер А. Старое Евангелие от Иоанна / А. Резер. Москва: Готика, 1997. 208 с.
6. Родигина Н. Н. Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX — начала XX в. / Н. Н. Родигина. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2006. 343 с.
7. Тюпа В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы / В. И. Тюпа // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27-35.
8. Тюпа В. И. Сибирский интертекст русской литературы / Тюпа В. И. М., 2006. С. 254-264.
9. Шмаль Я. Испив чашу до дна / Я. Шмаль. Москва: Готика, 1995.
10. Шнайдер-Кулаева М. Разоренное гнездо / М. Шнайдер-Кулаева. Тюмень: Слово, 2011. 132 с.
11. Шуклин А. “Der Idealfall wären Zwitter”: о творчестве писателей — российских немцев / А. Шуклин, Г. Данилина; отв. ред. А. П. Ярков // Aus Sibirien — 2013 / Тюмень Изд-во ТюмГУ, 2014. С. 37-41.
12. Шуклин А. К проблеме существования литературы российских немцев в Тюменском регионе / А. Шуклин, Э. Кельметр // Германия и Россия: наука, общество, политика. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2012. С. 55-59.
13. Эртнер Е. Н. Традиция восприятия Сибири как «царства» и «странь» Г. Ф. Миллера в литературе Тюменского края XVIII-XIX столетий / Е. Н. Эртнер // AUS SIBIRIEN. 2005. URL: <http://library.ikz.ru/georg-steller/aus-sibirien-2013-2005/ertner-e.n.-tyumen-rossiya-tradiciya-vospriyatiya>
14. Hand in Hand: Gedichte und Erzählungen / Hrsg. A. Gaus. Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur 1960. 308 s.

Alexander A. SHUKLIN¹

**IMAGE OF SIBERIA IN PROSE
OF THE RUSSIAN GERMANS
OF THE 1990s — 2000s**

¹ Coordinator of the International Scientific Programs,
Center for Russian-German cooperation of Georg Wilhelm Steller,
Tyumen State University
Alexander.Schuklin@gmail.com

Abstract

Article is devoted to the research of transformation ways of the image of Siberia in the prose of the Russian Germans of the 1990s — 2000s. Within the research the author shows how the image of Siberia in literature of the Russian Germans has changed eventually. Thanks to the cultural memory of the ethnos modern writers have adopted literary experience of their predecessors. Nevertheless, since 1990s the negative image of Siberia is gradually replaced by a more positive coloring. Despite the strict censorship, authors of the 1960s — 1980s managed to introduce in their works the true relation to Siberia as to the place of the exile, but often did so implicitly. The author of article comes to the conclusion, that the image of Siberia reflects the cultural ethnic originality of the Russian Germans literature in many prosaic works of the Russian Germans the 1990s — 2000s. On the example of the works by such modern writers, as Jakob Schmal, Alexander Reiser, and Maria Schneider-Kuleva, who have lived a significant part of their lives in Siberia, reveals how to transform the image of Siberia as a dualistic category that includes the concept of “foreign land” and the concept of “home”.

Keywords

Russian Germans, deportation, image of Siberia, “foreign land”, motive of home, Gospel.

DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-2-138-147

Citation: Shuklin A. A. 2016. “Image of Siberia in Prose of the Russian Germans of the 1990s — 2000s.” Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 2, no 2, pp. 138-147.

DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-2-138-147

REFERENCES

1. Avgust. 2011. "Vstrechi v avguste. Poeticheskaya antologiya. Altayskie nemetskie poety v perevodakh avtorov LF 'Avgust'" [Meetings in August. Poetic Anthology. Altai German Poets in Translations by the Authors of LF "August"]. Avgust, no 47. Barnaul: LF "Avgust".
2. Belger G. 2005. "Nemtsev rossiyskikh literatura" [The Literature of the Russian Germans]. In: Literatura narodov Rossii: XX v.: slovar. Edited by N. S. Nadyarnykh, pp. 203-211. Moscow: Science.
3. Ertner E. N. 2005. "Traditsiya vospriyatiya Sibiri kak 'tsarstva' i 'strany' G. F. Millera v literature Tyumenskogo kraya XVIII-XIX stoletiy" [The Tradition of Perception of Siberia as "Kingdoms" and G. F. Miller's "Countries" in Literature of the Tyumen Region of the XVIII-XIX Centuries]. AUS SIBIRIEN. <http://library.ikz.ru/georg-steller/aus-sibirien-2013>
4. Gaus A. 1960. Hand in hand: Gedichte und Erzählungen. Moskau: Verlag für fremdsprachige Literatur.
5. Rezer A. 1997. Staroe Evangelie ot Ioanna [The Old Gospel from Ioann]. Moscow: Gotica.
6. Rodigina N. N. 2006. "Obraz Sibiri v russkoy zhurnalnoy presse vtoroy poloviny XIX — nachala XX vekov" [The Image of Siberia in the Russian Journal Press of the 2nd Half of the XIX — Beginning of the XX Century]. Novosibirsk: NGPU.
7. Seifert E. 2009. "Zhanr i etnicheskaya kartina mira v poezii rossiyskikh nemtsev vtoroy poloviny XX — nachala XXI vv." [The Genre and Ethnic Picture of the World in the Poetry of the Russian Germans of the 2nd Half of XX — the Beginnings of the XXI Century]. Lage: BMV Verlag Robert Burau.
8. Shmal Ya. 1995. Ispiv chashu do dna [Having Enjoyed The Bowl to its Bottom]. Moscow: Gotica.
9. Shneider-Kulaeva M. 2011. Razorennoe gnezdo [The Ruined Nest]. Tyumen: Slovo.
10. Shuklin A., Danilina G. 2014. "Der Idealfall wären Zwitter: o tvorchestve pisateley — rossiyskikh nemtsev" ["Der Idealfall wären Zwitter": about the Works of Writers — Russian Germans]. Aus Sibieren — 2013. Edited by A. P Yarkov, pp. 37-41. Tyumen: Tyumen State University.
11. Shuklin A., Kelmtr E. 2012. "K probleme sushchestvovaniya literatury rossiyskikh nemtsev v Tyumenskom regione" [To the Problem of Russian Germans Literature Existence in the Tyumen Region]. In: Germaniya i Rossiya: nauka, obshchestvo, politika, pp. 55-59. Tyumen: Tyumen State University.
12. Tyupa V. I. 2002. "Mifologema Sibiri: k voprosu o 'sibirskom tekste' russkoy literatury" [Mytheme of Siberia: to a Question of "the Siberian Text" of the Russian Literature]. Sibirskiy filologicheskii zhurnal, no 1, pp. 27-35.
13. Tyupa V. I. 2006. "Sibirskiy intertekst russkoy literatury" [Siberian Intertext of Russian Literature], pp. 254-264. In: Analiz khudozhestvennogo teksta. Moscow.
14. Zeyfert E. I., Martens O. K., Ananyeva S. V., Danilina G. I. (Eds). 2012. Navstrechu nedoverchivomu solntsu. Antologiya literatury rossiyskikh nemtsev vtoroy poloviny XX — nachala XXI v. [Towards the Mistrustful Sun. The Anthology of Russian Germans Literature of the 2nd Half of the XX — the Beginning of the XXI Century. Moscow: MSNK-press.